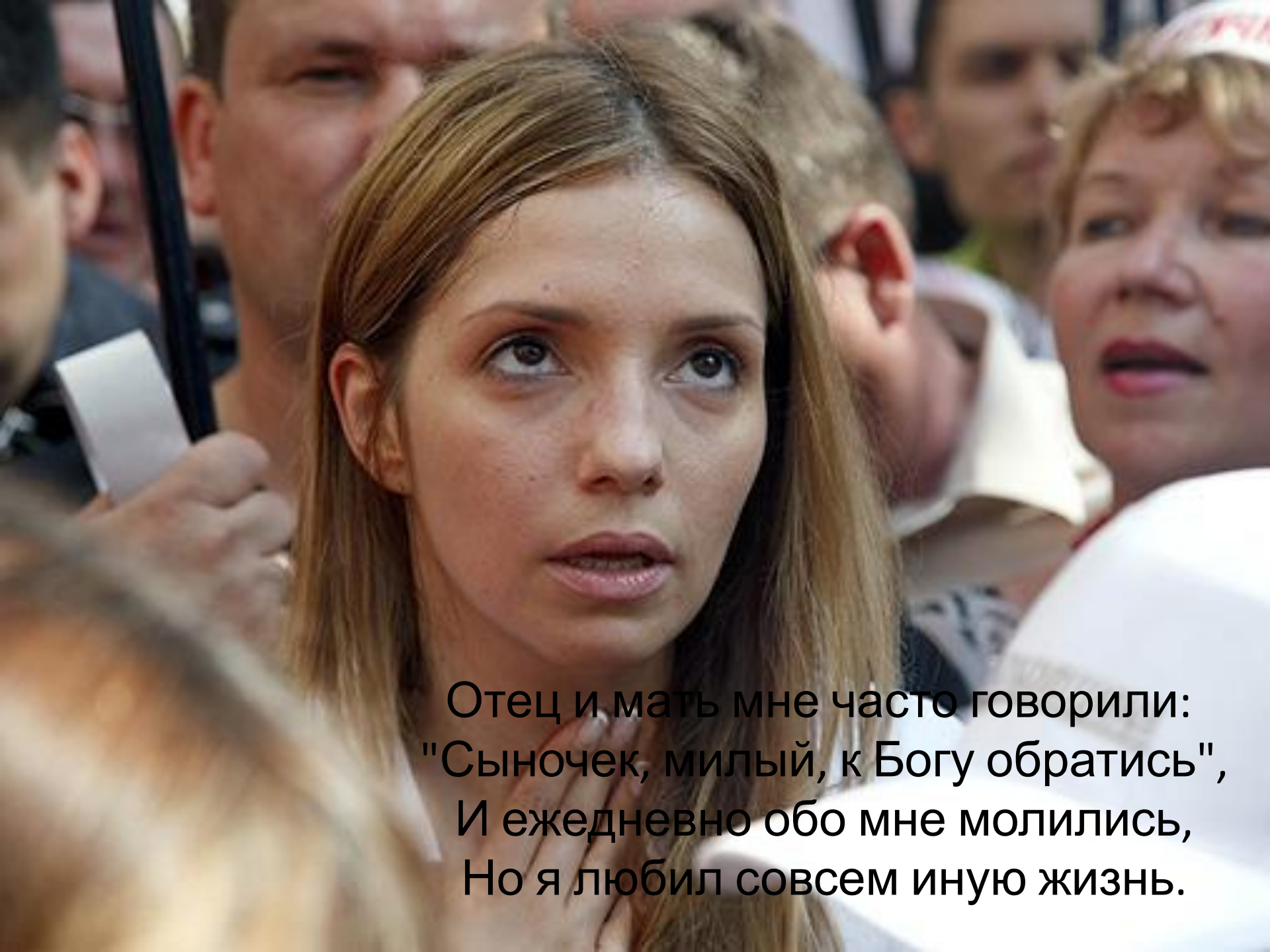

A surreal landscape featuring a dirt road that leads towards a bright sun on the horizon. The sky is dark with a large, glowing arc of light and a crescent moon. The foreground is dark and textured, suggesting a field or a road. The overall mood is mysterious and spiritual.

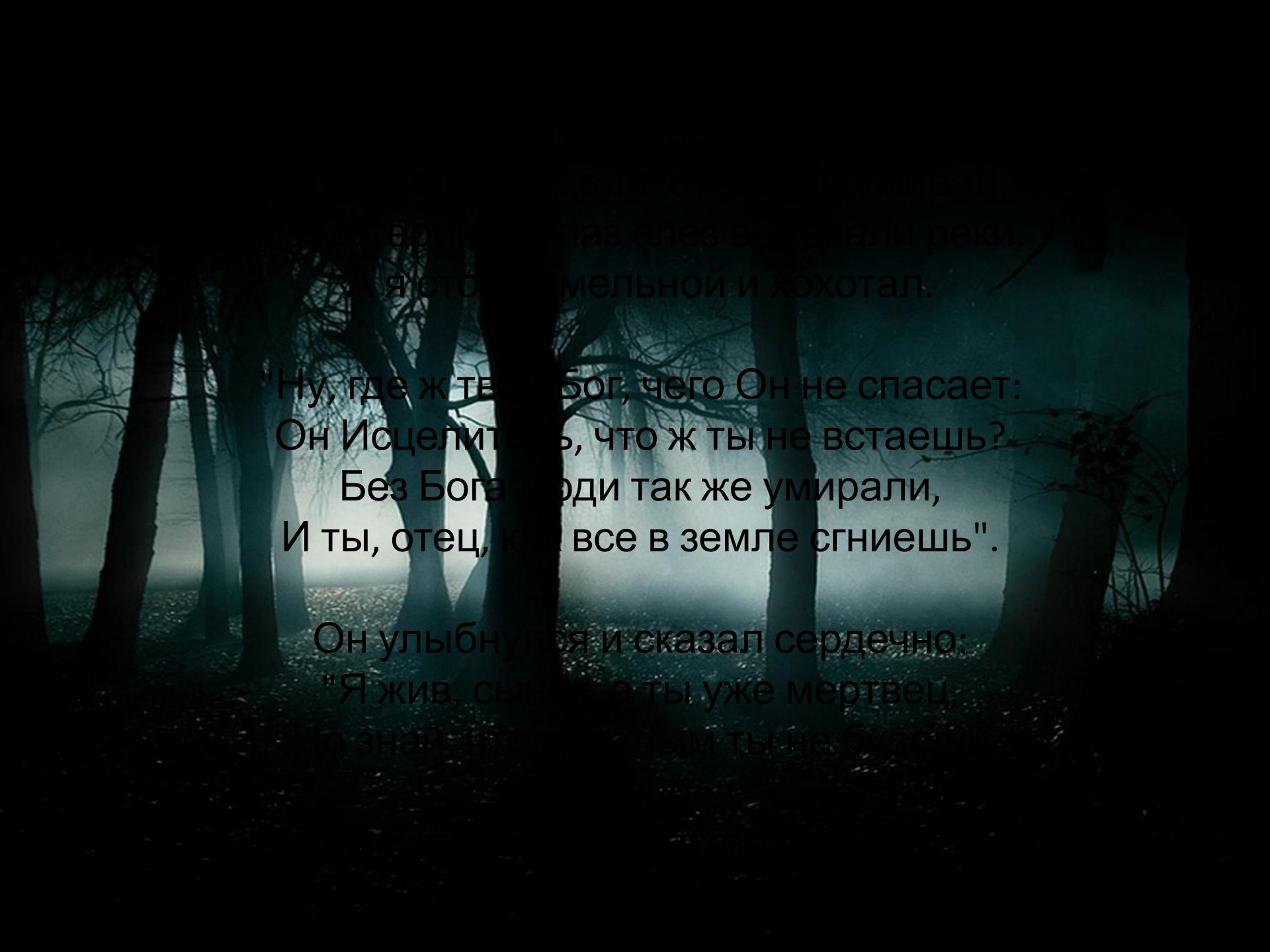
Молитва
Матери...

A young woman with long, straight brown hair is the central focus, looking upwards and to the left with a surprised or attentive expression. She is surrounded by a crowd of people, some of whom are partially visible in the background. The lighting is bright, suggesting an outdoor setting. The text is overlaid on the bottom right of the image.

Отец и мать мне часто говорили:
"Сыночек, милый, к Богу обратись",
И ежедневно обо мне молились,
Но я любил совсем иную жизнь.

A vibrant nightclub scene with people dancing under colorful laser lights. The atmosphere is energetic and festive, with bright blue, green, and red beams of light crisscrossing the dark space. In the foreground, a woman in a red top is seen from behind, looking towards the dance floor. To her left, a man in a dark suit and sunglasses is smiling. The background is filled with other dancers and the glow of the club's lighting.

Вино, друзья и сотни развлечений
Мне ослепили сердце и глаза
И ослепленный, с диким
наслаждением,
Смотрел я в рюмку, а не в небеса.
Молитвы мне страшнее ада были,
О Боге я и слышать не хотел,
Летели дни, я жил в грязи и пыли
И думал я, что это – мой удел.

Он вынул из кармана платок и вытер
свои глаза, а слезы встали реки,
и я стоял смельной и хохотал.

"Ну, где ж твой Бог, чего Он не спасает:
Он Исцелитель, что ж ты не встаешь?
Без Бога люди так же умирали,
И ты, отец, как все в земле сгниешь".

Он улыбнулся и сказал сердечно:

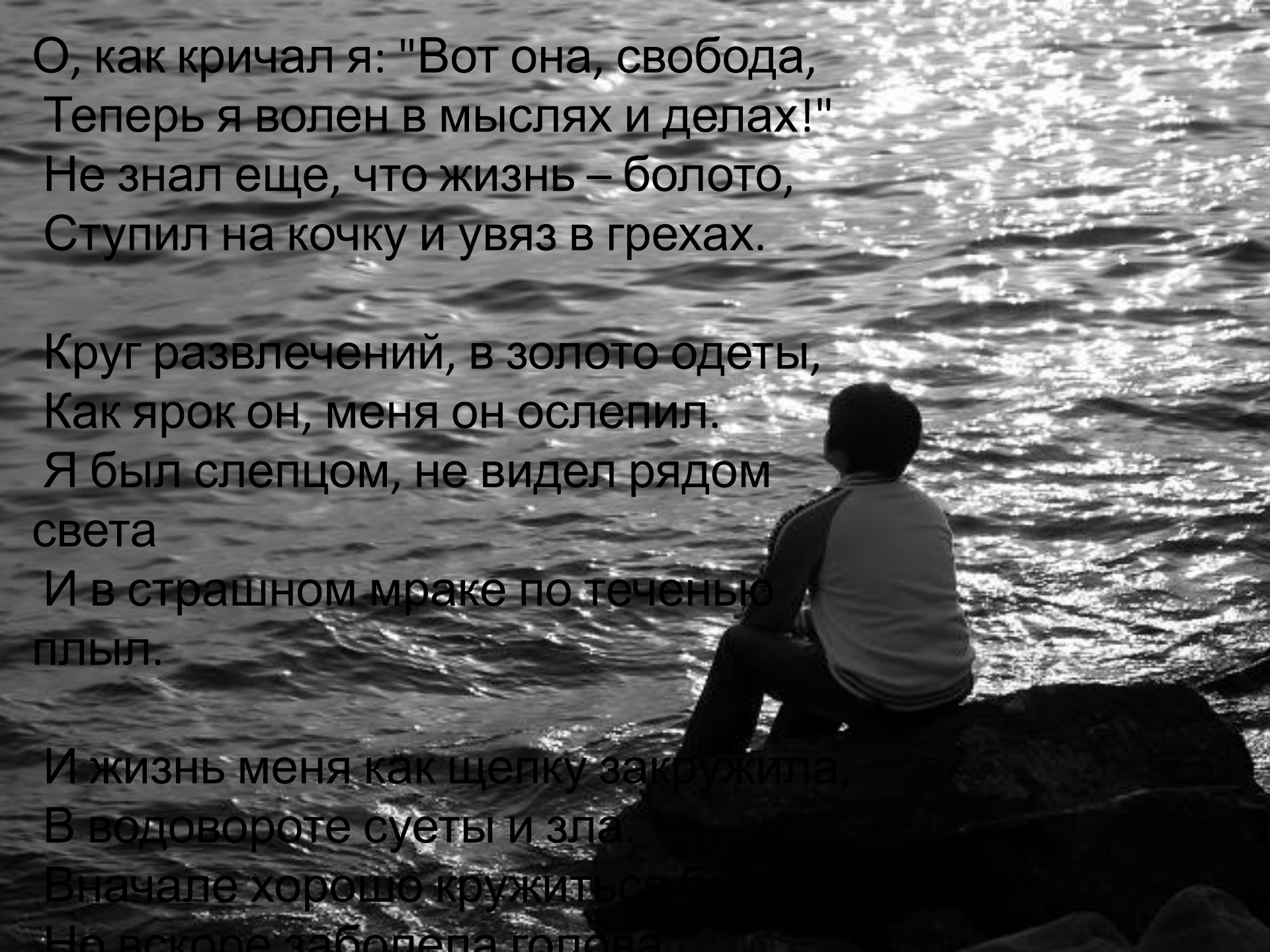
"Я жив, сын, а ты уже мертвец,

но знай, что твоим ты не будешь".

An aerial night view of a city skyline, likely New York City, with numerous skyscrapers illuminated against a dark sky. The lights from the buildings create a dense pattern of white and yellow points, with some taller buildings standing out prominently. The overall atmosphere is one of a bustling, vibrant urban environment at night.

Отца похоронили, мать молилась,
Втройне молилась о душе моей,
Потоки слез, что за меня полились,
Не даром были пролиты...

Ну, а тогда я думал по-другому,
Была противней мать мне с каждым
днем
И вот, однажды, я ушел из дома,
Глубокой ночью, словно вор, тайком

A black and white photograph of a person sitting on a dark rock by the sea. The person is seen from the back, looking out at the water. The sun is low on the horizon, creating a shimmering, golden glow on the water's surface. The person is wearing a light-colored long-sleeved shirt and dark pants. The overall mood is contemplative and serene.

О, как кричал я: "Вот она, свобода,
Теперь я волен в мыслях и делах!"
Не знал еще, что жизнь – болото,
Ступил на кочку и увяз в грехах.

Круг развлечений, в золото одеты,
Как ярк он, меня он ослепил.
Я был слепцом, не видел рядом
света
И в страшном мраке по теченью
плыл.

И жизнь меня как щепку закружила,
В водовороте суеты и зла.
Вначале хорошо кружиться,
Но вскоре заболела голова

Был для меня ужасной, страшной
мукой

И каждый круг, и каждый поворот...

Я волю напрягал, ум, до боли руки.

Но жизнь водоворот... водоворот...

Но кто же мог меня спасти от смерти,

От тех кругов, влекущих так на дно —

Не человек, не человек, поверьте!

Но кто же? Кто же? КТО?

Метался я, не находя ответа
И вот, однажды, летом, в сильный
дождь

На улице я друга детства встретил,
Увидев земляка, по телу – дрожь.

Предстал передо мною образ милый
Близкий, знакомый, родной.

Забилось сердце, задрожали губы,
И вырвались из глубины слова.

"Ну, как там мать, меня хоть
вспоминает,
Наверное, давно уж прокляла,
Хочу заехать, время не хватает
Сам понимаешь, то работа, то дела".

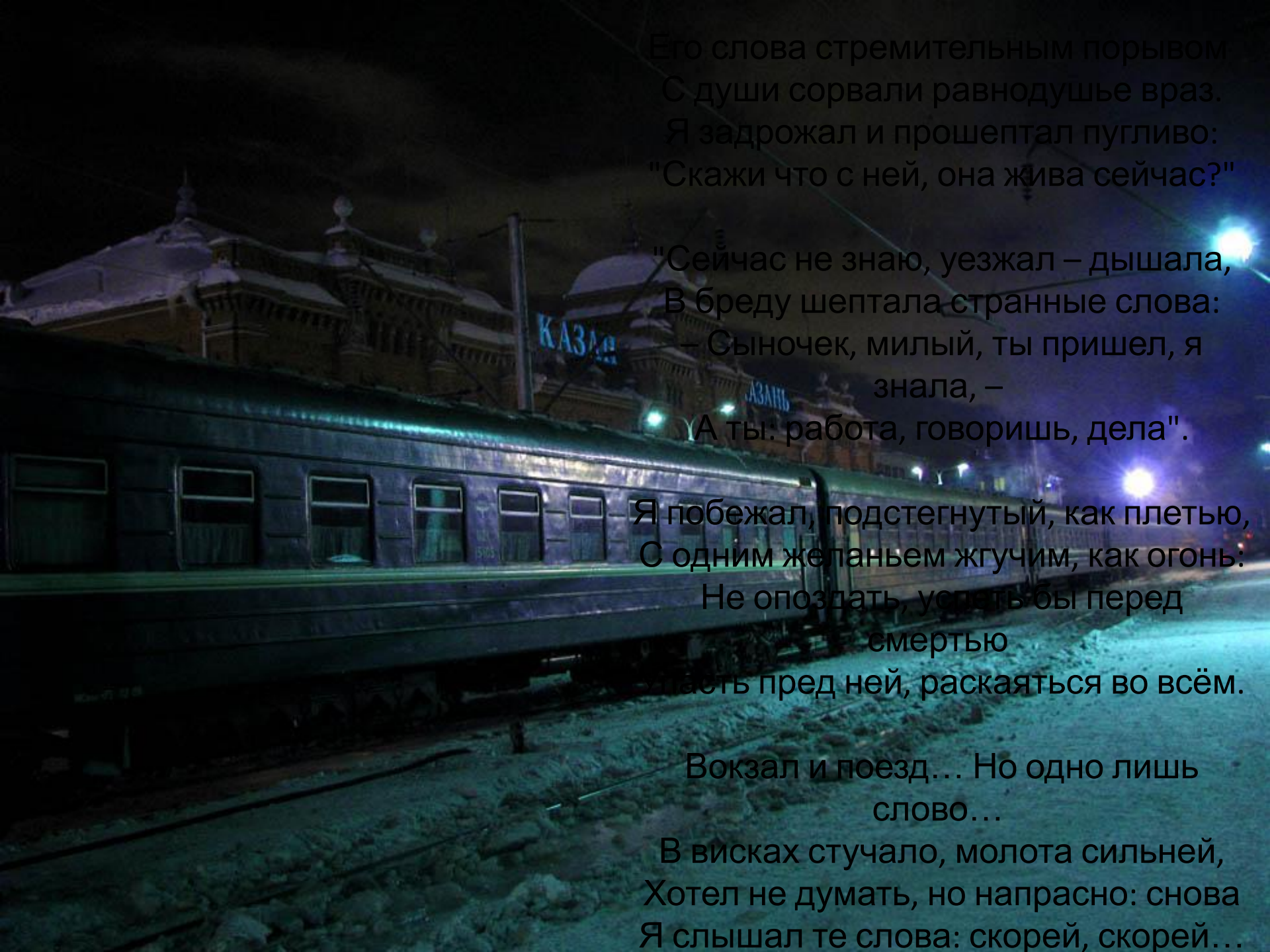
"Дела, работа – помолчал бы лучше
Дела твои не трудно угадать,
Я расскажу, но только сердцем
слушай,
О том, как позабыла тебя мать."

Когда ты скрылся, мать твоя от горя
Вся поседела, ведь тобой жила,
И каждый день, с невзгодой лютой
споря,
Шла на распутье и тебя ждала.

И руки простирая свои к Богу,
Молясь во имя пролитой Крови,
Она стояла, влитая в дорогу,
Столбом надежды, веры и любви.

Ну а когда стоять была не в силах
Когда уже совсем в постель слегла
Кровать к окну подвинуть попросила
Смотрела на дорогу и ждала...

Его слова стремительным порывом
С души сорвали равнодушие враз.
Я задрожал и прошептал пугливо:
"Скажи что с ней, она жива сейчас?"

"Сейчас не знаю, уезжал – дышала,
В бреду шептала странные слова:
– Сыночек, милый, ты пришел, я
знала, –
А ты: работа, говоришь, дела".

Я побежал, подстегнутый, как плетью,
С одним желаньем жгучим, как огонь:
Не опоздать, успеть бы перед
смертью
поблизость пред ней, раскаяться во всём.

Вокзал и поезд... Но одно лишь
слово...

В висках стучало, молота сильней,
Хотел не думать, но напрасно: снова
Я слышал те слова: скорей, скорей...

Вот поезд стал, я вышел, от волненья
Меня трясло, и что-то жгло в груди.
Я в ночь шагнул дрожащей, страшной
тенью
От пламени, горевшего внутри.

Знакомая дорога и деревья,
И только незнакомый сердца стук,
Вот кладбище, за кладбищем деревня.
Шел мимо, и отца я вспомнил вдруг.

И ноги как-то сами повернули,
И в тишине пошелестев листвой,
Меня к его могиле потянуло,
Заросшей и заброшенной тропой

Я шел, до боли напрягая зрение,
Склоненные березки – значит здесь.
Впервые в жизни встал я на колени,
Прижав к щеке холодный мокрый крест.

"Отец прости безумную ошибку –
Ты прав, ты жив, я слышу шепот губ.
Стоишь ты предо мной, твоя улыбка,
А я – зловонный, сгнивший, мерзкий
труп.

Но я заботой и любовью к маме
Сотру всё прошлое – клянусь тебе,
поверь.
И ты, мой папа, будешь рядом с мамой
А если... если мать уже в земле?"

И в тумане снова я шагнул, забилось
Сердце мое, янулся — мама, круги кругом,
Но вдруг луна окрестность осветила,
И я увидел рядом свежий холм.

Только луна и звезды только знают,
Как я со стоном на могилу пал,
И мамин холмик обнимал руками,
И землю у подножья целовал.

"Ты слышишь, мамочка, прости, родная!
Не надо, не молчи, открой уста,
Давай молиться вместе, дорогая,
Ты, слышишь, мама, умоляю, встань".

Но холм молчал, дыша могильным
Тленьем.

Кругом ни звука, словно мир уснул,
И тут я вспомнил, Кто дает прощенье,
И с воплем руки к небу протянул.

Всё, что последней стала ночью
Мой безбожно прожитые дни,
Она открыла мне слепые очи,
И я увидел новый, светлый мир.

С тех пор живу я с Господом
Иисусом.

Мое в Нём счастье, жизнь и
полнота,
И сотни раз сказать не постыжусь
я,
Что я не смыслю жизни без Христа.

Когда я вижу перед собой картину:
Заплаканную, сгорбленную мать,
А рядом гордого, напыщенного сына

—
От всей души мне хочется сказать:

«Вы, матери, имеющие дочку, сына,

—
Прострите руки к небесам,
И, верьте, что молитвы ваши сильны
Творить и после смерти чудеса.

Вы, сыновья, забывшие о Боге –
Взгляните на заплаканную мать,
И станьте рядом, чтоб в своей
дороге

Вам эти слезы не пришлось

A dark, atmospheric street scene at night. A wooden bench sits on a cobblestone path. Two street lamps with glowing lanterns stand on either side of the path. The background is shrouded in mist or fog, with faint outlines of buildings and trees. The overall mood is somber and reflective.

С Днём Матери!

Простите, нас, за боль причиненную
нами